Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Крестьянка-барышня. Часть 2

Прошло еще полгода. Дуне исполнилось девятнадцать и она расцвела. Хорошее питание и умеренные физические нагрузки позволили ее организму показать все свои возможности. Девушка подросла и немного раздалась в бедрах, но талия осталась по девичьи тонкой. Великолепные груди еще больше налились спелостью. Слегка удлиненные ягодички манили своей округлостью и упругостью. Ее милое личико всегда радовало окружающих большими и яркими голубыми глазами, алыми пухлыми губами и легким румянцем. Густые темно-русые волосы, заплетенные в длинную — до попы косу, мягко пушились и поблескивали когда на них попадал свет. Такими же пушистыми и блестящими были волосы и на лобке девушки. Стройные ноги с точеными икрами и лодыжками легко носили свою хозяйку по всему барскому дому. Ее платья, хоть и из недорогих тканей были мастерски пошиты и только подчеркивали красоту изящной фигуры.

Дуня каждый день проводила несколько часов в комнате Нила, даже обедала и ужинала там. Они жили почти как супруги, только ночевать девушка уходила к себе. Мужчина по-настоящему привязался к своей молодой любовнице и холил и лелеял ее. Он давно забрал Дуню из судомойни и пристроил на удачно освободившуюся должность кастелянши. Теперь бывшая «деревенская дура» ведала всем постельным и нижним бельем в доме. Нил быстро натаскал ее — показал где что лежит, что как называется. Особо внимательно наказал следить за бельем барыни — та любила надевать на свои начавшие слегка оплывать телеса все только свежее и чистое. У Дуни появилась своя каморка — крохотная комнатка три на два, которая освещалась только через фрамугу над дверью. Там помещались маленький столик, стул и узкий топчанчик, но и это убогое жилище вызывало жуткую зависть всей дворни. И быть бы Дуне съеденной и заклеванной завистливыми дворовыми девками и бабами, но то обстоятельство, что ее пользует САМ «великий и ужасный» Нил Петрович, останавливало все подлые поползновения даже самых отчаянных змееязыких сплетниц.

Когда Нил показывал девушке ее новое место жительства, она внезапно закрыла поплотнее дверь и впилась губами в губы любовника.

— Нилушка, полюби меня в попку, миленький, так тебя хочу, мочи нет!

— Дуня, тебе что вечером мало было?

— Нилушка, ну я вот прямо сейчас захотела, вся теку, замучилась уже...

— День же ясный, в кастелянную войти могут...

— Да мы быстренько!

— Без смазки-то тебе больно будет!

— Да ты только вынь его, я ротиком смажу!

И Нила и Дуню порядком возбудила опасность прихода посторонних и мужчина, в быстром темпе безжалостно таранил сладкую кишочку любовницы, которая с задранными почти на голову юбками громко стонала, навалясь своими налитыми грудями на хлипкий столик. Он сжимал тело девушки так, что «косточки хрустели». А она только задушенно попискивала:

— Ой, Нилушка, ой как хорошо, еще миленький, еще!

Кончив почти одновременно, обессиленные любовники повалились на узкий скрипучий топчанчик и несколько минут запаленно и шумно дышали. Нил ласково гладил Дуню по растрепанным волосам и шептал девушке на ушко:

— Дуняша любушка моя, какая же ты сладкая!
Нил так разохотился к «случайному сексу», что иногда затаскивал свою любовницу в темные уголки большого господского дома и там набрасывался на Дуню как рычащий зверь. Он высоко задирал ее юбки и сильно обхватив сзади за упругие груди смачно растягивал членом задний проход красавицы. Чтобы «насильнику» было удобнее ее пользовать, Дуня заранее расстегивала крючки на своем лифе: во время «нападения» Нилу достаточно было схватить любовницу за плечи, сильно тряхнуть и спелые «дыньки» сами вываливались наружу. Бретели нижней сорочки Дуня спускала вниз тоже заранее. После таких «приключений» у девушки порой появлялись настоящие, а не декоративные синяки, но она только блаженно улыбалась.
Свои «зверства» любовник компенсировал лаской и подарками. Он покупал Дуне украшения: бусы, сережки, колечки, атласные ленты для волос (конечно все это было из «самоварного» золота и дешевых поделочных камней), но для девушки и это было пределом мечты. Нил не поскупился и пригласил хорошего портного, который пошил девушке несколько повседневных и выходных платьев. Также он подарил ей пару батистовых нижних сорочек и изящные кружевные панталончики.
Дуня долго рассматривала диковинные штанишки с рюшами и кружевами.
— Нилушка, а дыра между ног здесь зачем? Неужто барыни в постель с мужчинами в панталонах ложатся?
— Нет Дуняша, это чтобы дамы могли быстро в туалет сходить если приспичит. А на ночь эти штанишки снимают...
Девушка еще подумала и решила:
— Вот теперь если ты где меня поймаешь и не раздевая любить начнешь, через эту прореху твоего дружка будет засовывать очень удобно!
Она ловко натянула панталоны и оправила платье:
— А если так?
Девушка быстро подбежала к стулу и встала на него коленками. Затем высоко, до поясницы подняла подол и спустила панталоны так, что ее чудесной формы ягодицы, а под ними пушистый холмик с ярко-розовой щелкой посередине предстали во всей красе.
— Как тебе этот видок, Нилушка?
Дуня приглашающе повертела попкой и раздвинула белые полушария ягодиц. Ее разработанный любовником анус призывно темнел между ними аккуратной дырочкой — несмотря на частые анальные акты молодые мышцы, закаленные физическим трудом, не давали попке девушки непроизвольно «раскрываться». Мгновенно возбудившийся Нил ринулся к девушке. Он на ходу скинул байковый домашний халат и с наслаждением засадил свой каменный стояк в нежное девичье отверстие. Мужчина так сильно молотил своим агрегатом Дунину попку, что девушка только стонала и причитала:
— Ой, Нилушка, ой страсти-то какие, у-у-ой!
Наконец, мужчина бурно кончил наклонясь ей на спину и крепко сжав большие упругие груди. Дуня закрыла глаза и облегченно выдохнула — у нее не осталось сил даже стонать...
Когда любовники немного отдохнули, разделись и улеглись в постель, девушка положила руку мужчины на свою спелую и упругую грудь.
— А помнишь Нилушка, как меня завлекал? «Дуняша я только твои грудочки посмотрю поцелую»...

— Так я и сейчас каждый день ими любуюсь и целую! Разве ж я тебя обманул?
— Да нет, только ты хитрец промолчал как дальше бедную девушку пользовать будешь.
— Разве тебе плохо было, Дуня?
— Нет, Нилушка, ты ведь мастер с девушками управляться. Ни о чем я не жалею, ни о чем не грущу. Тогда только реветь буду, когда расставаться пора придет...
— Да кто тебе сказал что мы расстанемся?
— Ну я ведь уже не полная дура, Нилушка! Не можем же мы вечно в этой комнатке миловаться. Или меня замуж отдадут, либо ты кого помоложе найдешь, а то и женишься...
— Не загадывай, Дуняша. Я ж тебе говорил уже — судьба всяко повернуть может.
— Да тут хоть как поворачивай. Ты вольный, я крепостная. Жениться на крепостной тебе нельзя — сам в холопы угодишь. А я так и вовсе раба подневольная. Стоит только барыне захотеть, так хоть на торгах меня продаст, хоть обратно в деревню прогонит. Так что нет у нас судьбы, Нилушка. Давай одним днем жить и не горевать пока пора не придет.
— Давай, Дуняша. Незачем плакать о том, чего не случилось.
Дуня помолчала, потом тяжко вздохнула, но уже через минуту схватила любовника за руку и прошептала ему на ухо поблескивая чудными голубыми глазками:
— А давай-ка Нилушка, в баню проберемся!
— Да ведь там уже холодно, помылись все...
— Да я тебя не мыться зову!
— Ты что, хочешь там...
— Хочу, Нилушка! Мы вот здесь мои штанишки обновили, а теперь я хочу их в бане опробовать. Представь, поставишь ты меня коленками на полок, задерешь юбки на самую голову, стащишь с меня штанишки...
— Пошли! Только когда я тебя оголять буду, ты тихонько причитай: «ой, стыдоба, срам показала, грех-то какой»!
— Тебе это понравилось?
— Понравилось. Мне в тебе Дуняша все нравится...
Однажды Дуня после бурных ласк поцеловала мужчину особенно нежно и сказала: — Давай Нилушка порвем эту... девственную плеву. Надоело мне за нее дрожать.
— А как же ты замуж выйдешь?
— А я не выйду. Я для того и хочу ее порвать, чтобы никто на меня не польстился... После тебя я ведь все равно ни с кем жить не смогу. Ты мне глаза на мир открыл и я сейчас все ясно вижу. Люб ты мне, Нилушка, больше жизни люб.
Мужчина долго молчал. Потом посмотрел девушке в глаза:
— Я тоже полюбил тебя Дуняша. И хочу тебе только добра и счастья. И не хочу, чтобы ты принимала опрометчивые решения.
— Да не нужен мне никто кроме тебя! Хочу тебя одного в жизни знать и помнить! Если ты не хочешь, то я в людской у девок веретено возьму и сама проткну эту проклятую целку! А потом бабам в бане покажу — пусть гулящей ославят!
Нил от такого напора растерялся. Для него Дунины откровения не являлись уж очень большой тайной. Он знал, что девушка по уши в него влюблена. Но то, что она придумала такой радикальный способ сломать свою судьбу чтобы никому не отдаваться кроме него, глубоко потрясло мужчину.
— Ну раз ты так хочешь, Дуняша, то давай, раздвигай свои ножки.

— Правда? Ты мне поможешь? Нилушка, любимый! Избавь меня от этой проклятой штуки поскорей!
— Только никаким бабам ты об этом не болтай. Я не хочу чтоб тебя ославили на весь околоток.
— Я лучше сделаю. Как свататься придут, задеру юбку, раздвину ноги и покажу. Тогда уж точно никто больше не присыкнется.
— Ду-уня!!
— Все, молчу, молчу. Вот, уже ножки раздвинула, влагай свой член в мое влагалище!
Нил откинул одеяло и вдруг наклонился и приник губами к девичьей щелке.
— Нилушка, ты чего? — изумилась она.
— Дуняша, что бы мы с тобой не вытворяли, твоя «девочка» до сих пор невинна, так что давай ее поцелуем и поласкаем перед тяжким испытанием.
— Н-ну давай... Только очень уж мне непривычно и боязно — так-то делать...
Нил ласкал языком и губами аккуратные ярко-розовые девичьи губки порядком набухшие от возбуждения, облизывал и втягивал в рот округлую вишенку Дуниного клитора до тех пор, пока девушка не сказала, почти прошептала сдавленным голосом:
— Нилушка, любый мой, вставь ЕГО в меня, я уже не могу терпеть!
При введении члена Дуня все же легонько вскрикнула, но только крепче обхватила любовника руками и выше подняла согнутые в коленях ноги. Мужчина ввел свой орган до конца и остановился, давая Дуне привыкнуть к новым ощущениям. Постепенно он начал двигаться в тесной, хлюпающей от смазки горячей пещерке все убыстряясь. Когда Нил разошелся и начал в полную силу долбить ее хлюпающую от смазки щелку, девушка начала постанывать и обвив шею любовника руками, впилась губами в его губы. Кончила она раньше возлюбленного и с трепетом ждала когда тот изольется в нее могучим потоком, но мужчина вынул из нее свой конец и кончил в приготовленную салфетку.
— Нилушка, тебе моя щелка не понравилась?
— Она чудесная, Дуняша, но беременеть тебе СЕЙЧАС совсем не время. Мужчина накрыл рот девушки страстным поцелуем и погладил по растрепанным волосам:
— Спи милая, устала ведь наверное...
Девушку уже давно никто не расспрашивал об ее отношениях с Нилом — кастелянша, да еще проживающая в отдельной каморке, не часто сталкивалась с «черной прислугой».
Но однажды болтливая Маруська все же выловила Дуню после бани и завела разговор о Ниле. Дуня было отмахнулась, но Маруська внезапно сказала:
— Да Бог с ним, как он там над тобой изгаляется! Я тебе другое хотела сказать: я тут разузнала кое-что про твоего «мучителя».
У Дуни вдруг заколотилось сердце. Что эта главная сплетница барского дома могла узнать о всесильном камердинере? Дуня молчала, растерянно озираясь — не подслушивает ли кто?
Маруська насладилась произведенным эффектом и, наконец, соизволила вновь открыть рот:
— Нил-то твой, ты знаешь кто?
— Да не мой он, ирод проклятый... А-а кто он?
— Да твой, твой, не отпирайся... А Нил-то — он брат нашему барину!
— Врешь! Как это может быть?
— Ей-Богу, сама слышала!
— Как это?

— Ну барин-то наш надысь приехал из Питера... Я как раз в тот день у его кабинета полы мыла... И слышу как они там бубнят. Сердито так, будто ругаются...
— Да кто они-то?
— Нил твой и наш барин! А потом Нил к дверям подошел и громко так говорит: «Так-то вы братец батюшкину волю исполняете!». А потом вышел и дверью хлопнул. Я сразу — глаза в пол и давай тряпкой елозить...
— Ну, а он че?
— Да че? Постоял да к себе пошел. Так что и выходит — брат он нашему барину!
— Какой же он брат, когда он камердинером служит?
— Служит! Держи карман шире! Да сколько я здесь живу, он палец о палец не ударил. Только ходит и везде свои порядки наводит — на конюшне не успевают новые розги вымачивать... И одевается по господски, и еду ему в комнату отдельно приносят с барского стола! А как барин-то везде ездит, так он ни разу с ним вместе не отправился... Какой же это камердинер? А как зовут-то его — Нил Петрович! А наш-то барин тоже Петрович, только Илья!
Тут Маруська огляделась по сторонам — не подслушивает ли кто и наклонившись к Дуниному уху прошептала:
— И вообще, это ведь Нил велел мне всем разболтать, что он — камердинер. Я тогда только-только из деревни приехала, а он немного попозжее из Питера прикатил и здесь поселился. И сразу этот охальник меня высмотрел и в каморку свою зазвал...
— Так ты что, миловалась с ним? — вскинулась Дуня.
— Миловалась... Только у нас ним дальше титек не пошло — у меня слишком мелкие на евоный вкус. А за то что я всей дворне разнесла про то, что он камердинер барина, Нил мне пять рублев подарил. А вот сейчас выходит, что он — брат нашего барина, только зачем-то прислугой прикидывается!
Дуня, услышав, что Нил только потягал Маруську за титьки и отверг, облегченно вздохнула и разыгрывая растерянность пробормотала:
— Ну и дела... Не знаю что и думать, подруга...
— Да че тут думать — держи ушки на макушке и не зевай! И держись крепче за своего «ирода», авось и свезет! Ладно, пошла я подружка. Смотри не болтай только — высекут не дай Бог!
Придя вечером к Нилу, Дуня дождалась пока он всласть попользует ее в рот и попку, отдохнула после бурного оргазма, а потом, уютно устроившись у любовника под бочком тихо спросила:
— Нилушка, только не гневайся на меня дуру деревенскую... Я вот смотрю на тебя и думаю: ты ведь не из нашей прислуги...
Мужчина аж подпрыгнул:
— Дуня, с чего такие вопросы?
Дуня тяжко вздохнула и будто бросилась в омут головой:
— Да вот смотрю: служить ты как другие здесь не служишь, ведешь себя хозяином, ешь-пьешь и одеваешься по-господски... Опять же грамотный, умный, книжки читаешь, меня глупую учишь... Скажи: ты не родственник нашему барину?
Нил долго смотрел на Дуняшу, невинно хлопающую длинными ресницами и играл желваками.
— Маруська сболтнула? Так и знал, что она змея тогда подслушивала.

Девушка не хотела выдавать товарку, но все же нехотя кивнула:
— Только Нилушка ты ее на конюшню сечь не посылай, она только мне шепнула.
— Да кому она нужна, сечь ее кобылу похотливую! Что она тебе шепнула?
Дуня кратко пересказала разговор с Маруськой, умолчав только об ее «титечных откровениях» и «дружеских пожеланиях». Нил уже не так строго хмурился и, наконец, сказал:
— Ну это куда ни шло... Передай ей сегодня: будет дальше болтать — вышлю ее в свою деревню! Она этого пуще розги боится...
Дуня, видя что Нил расстроился, полезла под одеяло, взяла его конец и начала не очень умело но старательно сосать. Добившись эрекции, девушка откинула одеяло, присела сверху раздвинув свои нежные ягодички и насадилась попкой на отвердевший орган. Разохотившаяся девушка все убыстряясь, скакала на толстом члене до тех пока мужчина не излил в нее обильный горячий поток. Быстро подмывшись, Дуня опять улеглась у любовника под бочком и уткнувшись носом в его плечо виновато спросила: — Нилушка, расстроила я тебя? Прости глупую...
— Расстроила. Но не ты, а Маруська! А ты молодец что сказала, всегда так делай, если еще что про меня услышишь. Я то тебе уж точно ближе, чем эта змея Маруська!
— Ладно, как скажешь, любимый мой. А вот то, что я спросить хотела — ты ведь и сам из дворян, как и наш барин?
Нил помолчал и нехотя сказал:
— Из дворян... Только болтать об этом по всем углам не стоит!
— Да я Нилушка никому! Я ведь для себя спросила... Дивно мне что ты со мной дурой деревенской возишься, учишь меня, наставляешь. Зачем я тебе? Ведь только свистни — десяток девок бегом прибегут и в ножки поклонятся!
Нил опять помолчал, задумавшись. Потом крепко поцеловал девушку в губы и ласково сказал:
— Нравишься ты мне Дуняша. Очень нравишься... Характер у тебя легкий. Ласкова ты и не завистлива. И не корыстна — за все время у меня ничего не попросила, все я сам тебе дарил, своей волей. И не дура ты вовсе, просто малообразованная. Ну так это дело поправимое — ты все на лету схватываешь!
— Ах, Нилушка! Зачем мне грамота? Как в деревню вернусь, тятенька с мамонькой все равно неволей замуж отдадут: найдут какого-нибудь хромого или припадочного, который и за порченную девку ухватится. А если я начну свою грамоту показывать, так муж быстро вожжами на место поставит...
— Ты Дуня не загадывай — судьба всяко повернуть может. Ты учись, знания везде пригодятся.
Спустя еще полгода скоропостижно скончался где-то в Петербурге барин. Скорбную весть передали по новомодному в ту пору телеграфу. Неожиданно овдовевшая барыня не стала ждать три недели, пока тело мужа доставят домой, а послала ответную телеграмму в Питер и на поезде отправилась в столицу, чтобы организовать похороны там. После ее отъезда Нил стал каким-то озабоченным и угрюмым. Что-то его грызло и не давало покоя. Он по прежнему был ласков с Дуней, но часто задумывался и отвечал невпопад на ее вопросы. Дуня от этого тоже печалилась и начинала думать о том, что она Нилу надоела и он присмотрел себе «кобылку» помоложе.

Отчаявшись от душевных мук, девушка решилась расспросить вездесущую Маруську. Такая сплетница как она должна все знать! Дуня выловила Маруську в людской и затащила в свою каморку.

— Слушай подруга, ты все знаешь, скажи, не завел ли Нил Петрович себе новую зазнобу?

Маруська оглядела Дуню с ног до головы и задрав нос сказала с вызовом:

— Так я тебе все и рассказала, держи карман шире! Ты меня Нилу прошлый раз выдала! Он пригрозил, если что еще про него скажу, меня обратно в деревню выслать, а это мне будет хуже смерти! Ничего про Нила говорить не стану, целее буду!

Дуня, оторопевшая от такой отповеди, закусила от досады губу и лихорадочно соображала, как быть дальше. Маруська же, насладившись растерянным видом девушки еще немного покочевряжилась и, наконец, выдала:

— Скажи своему полюбовнику, что я знаю где спрятано то, что он ищет. И могу показать... Только у меня будет одно условие, если не согласится, то ничего ему не скажу, пусть хоть на смерть запорет!

Дуня, чтобы не выдавать их с Нилом тайну попыталась возразить:

— Да как я скажу-то, я его и не так часто теперь вижу, да и сама от этого изверга держусь подальше... Я и про зазнобу его спросила в надежде что он нашел себе новую забаву, а от меня отстанет...

— Ты это бабам в людской заливай, там дурочек много, поверят. Я-то знаю, что Нил — никакой не зверь, а наоборот, мужчина ласковый и обходительный — чай тоже на его постельке полежала, хоть и недолго. И живете вы с ним как муж и жена и не бьет он тебя и не мучает. Так что, подруга, хватит дурой деревенской прикидываться, беги к Нилу и передай, что я сказала!

Дуня немного поколебалась и сказала:

— Ну хорошо, сейчас за Нилом схожу... Только скажи — есть у него новая зазноба или нет?

— Дунька, да ты и вправду дура! Какая зазноба, когда он от тебя без ума и души в тебе не чает! А место кастелянши он для тебя у самой барыни выпрашивал, я тогда полы неподалеку мыла и их разговор слышала. Уж как он тебя нахваливал — с ума сойти, будто ты не сисястая деревенская девка, а серафим с крыльями... Ладно, беги давай за Нилом и побыстрей, а то вдруг меня полы мыть нарядят и не поговорим тогда.

Дуня торопливыми шагами направилась к комнате Нила. Он встретил ее ласково, но как всегда выглядел опечаленным и слегка рассеянным. Дуня молча подошла, поцеловала любимого в губы и сказала:

— Нилушка, ты что-то ищешь и найти не можешь, и потому печалишься?

— А ты откуда знаешь?

— Да вот сейчас только, любимый мой, я Маруську видела и она велела тебе передать: «Я знаю где то, что Нил Петрович ищет».

И девушка кратко пересказала свой разговор с вездесущей сплетницей, умолчав впрочем, о своих «деликатных расспросах». Нил задумался:

— Откуда эта похотливая кобыла может знать, что я что-то ищу?

— Не ведаю Нилушка, только Маруська такая пройдоха, что в этом доме все про всех знает. И про нас с тобой тоже догадалась, что притворяемся будто ты меня неволей заставил себя ублажать... Ты бы поговорил с ней, может что полезного и узнаешь!

— Где она?

— У меня в каморке спряталась, не хочет чтобы ее на работу нарядили, лентяйка.
Нил еще немного подумал и распахнул дверь:
— Пошли к Маруське!
— Ты и меня с собой возьмешь?
— Да-да, пошли скорей.
В каморке Нил сел на стул, а Дуня с Маруськой разместились на топчанчике.пошарив по ящикам стола вынул лист гербовой бумаги, нашел в особом шкафчике с документами метрику девки-оторвы и быстро, опытной рукой написал Маруськину «вольную». Присыпал лист песком и отдал бумагу в загребущие руки оторвы. Та долго, чуть ли не по слогам перечитывала документ, наконец свернула его трубочкой и спрятала за спину.
— Ладно, пошла я. Только, Нил Петрович, я сперва свою бумагу спрячу, а потом за вашей схожу. А то вдруг отберете потом?
— Что, никому не доверяешь?
— Как мне бедной и беззащитной рабе кому-то доверять? Вмиг оберут и обманут... Все, иду-иду!
Маруська ходила где-то около получаса. За это время Дуня успела сесть Нилу на колени и они немножко поцеловались и потискались. Дуня, торопливо застегивая крючки на возбужденной поцелуями груди прошептала на ухо Нилу:
— Неужто правда это все, Нилушка? Ты в самом деле наш барин?
— Если Маруська не соврала и действительно нашла настоящее завещание отца, то все может быть...
Наконец Маруська поскреблась в дверь кабинета. Руки она держала за спиной.
— Ну что, принесла бумаги?! — Нил нетерпеливо вскочил с кресла, — Где они?
— Вот, вот оно ваше наследство Нил Петрович! Принимайте законную батюшкину волю, властвуйте и распоряжайтесь своими домами, имениями и холопами! За исключением меня, конечно!
Последующие события слились в сплошной калейдоскоп. Нил ездил по губернским присутственным местам, оформлял и удостоверял бумаги, щедро раздавал взятки. Оторва Маруська не только принесла нужные бумаги, но и показала Нилу, где лежит ключ от сейфа покойного барина. В сейфе оказалось около двадцати тысяч рублей золотом, серебром и ассигнациями, а также вексель губернского отделения Государственного коммерческого банка тоже на весьма солидную сумму. Оставался вопрос, не запустила ли Маруська свои загребущие лапки и туда, но Нил махнул на это рукой — тех денег, что лежали в сейфе и банке им хватит с лихвой. Понятно было почему оторва сказала о ключе и не взяла из сейфа слишком много: в противном случае ее бы начали всерьез разыскивать уже как воровку, с привлечением полиции. А так, хитрющая девка съехала из барского дома сразу после того, как ее вольная приобрела законную силу и на нее махнули рукой.
С приехавшей к тому времени с похорон вдовой покойного брата Нил поступил по божески: отписал ей тот дом, в котором все они жили, всю находящуюся в нем крепостную дворню (за исключением Дуни и Маруськи конечно) и четверть тех денег, что были на фамильном счете в банке.
Нил с Дуней также съехали в только что купленный новоиспеченным барином двухэтажный особнячок. Прислуги там было около десяти человек, причем все вольнонаемные: связываться с крепостными Нил не захотел.

В этих хлопотах и разъездах прошло около трех недель. Все это время девушка видела любовника урывками, а уж его горячий и толстый конец и того реже.

Наконец все успокоилось, и одним майским ясным утром Дуня проснулась в их новом доме, лежа с любовником на кровати с балдахином в большой светлой спальне. Подобрав подол длинной — до пят батистовой ночной сорочки, она выскользнула из-под одеяла, пожурчала над «ночной вазой», ополоснула руки и лицо из фаянсового кувшина на комоде и скользнула обратно — под бочок к любимому.

— Нилушка, а Нилушка, — она откинула уголок одеяла и слегка укусила мужчину за сосок.

Нил вздрогнул и открыл еще подернутые сонной поволокой глаза.

— Дуня, ты чем тут занимаешься, почему не спишь?

— Нилушка, так ведь обед скоро будет, а ты все сопишь... И вообще, когда ты будешь пользовать свою постельную холопку во все дырочки?

— Какую еще холопку? Дуня, ты заболела что ли?

— Как какую? Ты ведь теперь барин, а я твоя холопка. Вот рассердишься на меня и продашь кому-нибудь... И будут меня бедную мучить и насиловать — целочки-то у меня больше нет...

— Дуня, перестань нести ерунду! Никакая ты не холопка! Я еще неделю назад выписал тебе вольную, только сказать забыл. Вон она лежит на столе, под стопкой книг, можешь посмотреть...

Дуня, путаясь в длиннополой сорочке, белочкой метнулась к столу и вытащила заветную бумагу. Она несколько раз перечитала ее и даже повторила вслух:

— Так я Евдокия Макаровна Топилина, оказывается! Надо же...

— Дуняша, так ты что, имени своего не знала?

— Знала конечно... Только меня никто ни разу в жизни так не называл, все Дуня, да Дуня, а метрика у барина хранилась, вот я и привыкла...

Дуня положила бумагу обратно на стол и вернулась в постель к любовнику.

— Нилушка, и что я теперь свободна?

— Да Дуняша, свободна как ветер, я тебе и паспорт выправил у полицмейстера, можешь идти или ехать куда угодно...

— Нилушка, а как же ты?

— Что я?

— Ты меня выгоняешь что ли? Бери паспорт и можешь идти на все четыре стороны? Я тебе надоела, да?

— Дуняша, ну что ты опять ерунду собираешь?

Нил аж зубами скрипнул — вот же бабы занозы какие (а Дуняша еще лучшая из них!), ничем им не угодишь: если холопка — продать ее хочешь; если волю дал — выгоняешь... Но мужчина сдержался и как можно более ласковым тоном сказал:

— Никто тебя не выгоняет, наоборот... Вот половина этого особняка, где мы жить будем на твое имя записана. Так что ты теперь домовладелица! А чтоб ты могла прилично одеться и накупить всяких украшений я снял со счета в банке две тысячи рублей ассигнациями. Вон, видишь шкатулку на столе? Деньги там — бери и трать! И, кстати — ты больше не прислуга, у тебя теперь даже своя горничная будет — сегодня познакомлю...

— Да? Как занятно все складывается... Только Нилушка, не хочу я никаких особняков, денег и горничных, сам знаешь что не из корысти тебе покорилась... Люблю я тебя, соколик ты мой ясный! И если бы был ты крепостным, а не барином — также бы любила!

— Так что ж ты хочешь, Дуняша?
— А хочу я, любимый мой, чтобы ты меня крепко-крепко поцеловал, с языком, а потом попользовал и в ротик и в щелочку и в попку. А то ты мои дырочки совсем забросил... Коварный — приучил девушку к себе, к своему... дружку, а теперь избегаешь!
— Что ты Дуняша, милая, никто тебя не избегает, просто были неотложные дела. А теперь всё — все спешные дела сделаны и мы можем опять заняться твоими сладкими дырочками. Ты как хочешь? В штанишках или без штанишек?
— Я и так и так хочу! И много раз подряд! Теперь мне не надо в свою каморку на ночь бежать, так что мы во всех видах успеем это сделать!
Дуня скользнула под одеяло и через секунду член любовника оказался у нее во рту. Дуня сосала и поддрачивала мужской напряженный конец с каким-то невиданным доселе вожделением. Бесстыдные хлюпающие звуки то и дело доносились из-под одеяла. Уже через три минуты скользкий от слюны перевозбужденный орган Нила излился в рот девушки горячими клейкими струями. Дуня проглотила все что попало ей в рот, а потом тщательно вылизала головку и хорошенько поцеловала яички мужчины. Она даже легонько прикусила каждое яичко зубами — Нилу это очень нравилось.
После этого Дуня еще раз умылась из кувшина и тщательно прополоскала рот — чтобы любовник мог целовать ее без помех. После получасового отдыха девушка вновь возбудила могучий Нилов член уже руками и, не без труда скинув свою длиннющую ночнушку, немедленно приняла коленно-локтевую позу. Возбужденный видом ее ягодиц и текущей полураскрытой щелки с набухшими от вожделения аккуратными розовыми губками, мужчина с размаху всадил свой конец в недавно еще девственную писечку и начал могучими ударами таранить нежную девичью плоть. А Дуня, закусив край простыни, чтобы не рассмеяться, притворно причитала:
— Ой стыдобушка какая, срам показала, в махонку засунуть дала, ой беда!
Она знала, что Нила эти причитания хорошо заводят и регулярно выдавала такие тирады. Любовник уже с рычанием вколачивал свой окаменевший орган в развороченное и хлюпающее от смазки девичье отверстие. Но кончать в ее переднюю дырочку Нил не хотел и потому, почувствовав приближение оргазма, он быстро вынул скользкий от женской смазки конец и не раздумывая быстро примерился и всадил его в нежную девичью попку. Разработанный Дунин анус мгновенно растянувшись принял в себя толстый разгоряченный мужской орган. Дуня ойкнула, мгновенно прекратила свои «стенания» и начала подмахивать и постанывать в такт движениям любимого каким-то грудным голосом. Кончили влюбленные почти одновременно. Залив Дунину попку своими «любовными соками», Нил повалился на спину девушки и просунув руки под нее и крепко сжав налитые груди начал неистово целовать волосы, шею, плечи своей подружки. А она только подрагивала всем телом и шептала:
— Нилушка, как же мне хорошо милый, я так тебя люблю